

Мужчина, женщина и любовь в зеркале современного языка

© Т. И. СУРИКОВА,

кандидат филологических наук

Давно замечено: как мы живем – так и говорим. Но верно и другое: по тому, как мы говорим, можно понять, что происходит с нашей душой и интеллектом. Язык наш, умный слуга глупого хозяина, рассказывает о нас не хуже социологов и психологов. Каждое время по-своему входит в язык – новыми словами, новыми их сочетаниями, новыми метафорами, новыми значениями старых, давно известных слов. И все это в сумме складывается в языковой портрет эпохи, а наши потомки смогут по этим изменениям понять, чем мы жили, чего хотели, как видели мир и что собой представляли.

Особенно это наглядно, когда речь идет о вечных, незыблемых ценностях. Так, Господь Бог разделил нас на мужчин и женщин, и в мире была, есть и будет любовь. Только каждое время понимает ее по-своему.

Слово рождается для того, чтобы назвать новое понятие, к появлению которого общество подготовлено. Так вот, глагол *любить* возник в языке еще в XI веке, а к XVIII веку, прежде всего под влиянием христианства, сложилось современное многогранное представление о любви как: 1) эросе – переживаниях, душевном контакте, связанных с сексуальным влечением и отношениями: *любовь к женщине*, 2) страсти к чему-либо: *любовь к книге*; 3) восхищении и благоговении перед человеческим или сверхъестественным авторитетом: *любить Пастернака*; 4) благожелательности, милосердия: *христианская любовь*; 5) заботе о родных, близких, друзьях: *любовь к ближнему*. Все эти значения были богато представлены в русской семантике: в Словаре

В.И. Даля приведено более 200 слов с корнем *люб-*, в современном “Словообразовательном словаре русского языка” А.Н. Тихонова 1990 года издания их уже более 250, и не надо быть лингвистом, чтобы понять, когда появились слова *любо*, *любомудрие*, *полюбовный*, *книголюб*, *автолюбитель* или *кинолюбитель*.

За последние пятнадцать лет трансформации и выхолощиванию не в последнюю очередь силами СМИ и рекламы подверглось первое из значений любви. Каждый скажет, чем стала любовь. Правильно – сексом. Сознание взрослого носителя языка этому еще сопротивляется: недаром М. Жванецкий недавно заметил в “Аргументах и фактах”: “Это они от секса, а мы от любви”. А юношество наше остается только пожалеть. Посмотрим же глазами филолога, как это происходило и происходит.

Это заблуждение, что секса в СССР не было: детей рождалось больше, чем сейчас. Только рождались они как следствие *любви*, т.е. и язык в отношениях мужчины и женщины делал акцент на духовную, человеческую, облагораживающую суть этих отношений. И понятие *секс* существовало, упомянутый словарь А.Н. Тихонова приводит больше 20 его производных. Но проблемы секса относились к числу медицинских (где им и место), и об этом свидетельствует словообразование: среди слов этого гнезда только три: *сексуальный*, *секс-бомба* и *секс-фильм* – относились к общеязыковым, из которых два последних явно заимствованы с Запада.

В наше время все словообразовательное гнездо активизировалось, породило много производных и поглотило понятие *любви-эроса*, т.е. выхолостило его человеческую суть, акцентировав биологическую и все, что с ней связано. Не случайно в “Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения” под редакцией Г.А. Складчиковской насчитали уже 38 (тридцать восемь!) слов с корнем *секс-*. Вот некоторые: *секс-индустрия*, *секс-бизнес*, *секс-шоп*, *секс-меньшинство*, *секс-бум*, *секс-клуб* (видимо, теперь так вежливо называют бордель или публичный дом?), *секс-туризм*, *секс-революция*, *секс-символ* и даже *секс-идол*. Если раньше говорили *самая обаятельная и привлекательная* (помните, был фильм с таким названием?), то теперь *сексапильная* – и душа с интеллектом отдыхают.

Было в языке понятие *порнография* и прилагательное от него *порнографический* – и этого скудного запаса нам хватало. Чтобы выразить крайне отрицательное отношение к чему-либо, достаточно было назвать это порнографией (у А. Вознесенского была *порнография духа* как воплощение предельной безнравственности). А сейчас появились *порно*, *порнуха*, *порнушка*, *порнобизнес*, *порноделец*, *порнозвезда*, *порномодель*, *порностудия*, *порнофильм*, *порносайт*, *порножурнал* – и заметьте, как исчезает отрицательный заряд слова и значение его сводится к констатации явления, как будто и не произошло все это словообра-

зовательное безобразие от одного греческого слова, в переводе обозначающего *развратник*.

Нет, извините, в одном неологизме нашего времени исконное отношение русского человека к разврату все-таки себя проявило. Это слово *порнобани* – бордель под вывеской сауны или русской бани. Но его придумало население Одинцовского района, т.е. простые люди, наблюдатели. А власти предержавшие, видимо, считают это заведение элементом инфраструктуры современного курорта (на последних выборах в этом районе был проведен опрос на тему: “Согласны ли вы с созданием лечебно-оздоровительных местностей и курортов местного значения на территории Одинцовского района?”) (Новая газета. 2007. №19).

Были в языке и понятия *гомосексуализм*, *гомосексуалист*, *педераст*. И тоже оставались в пределах медицины и юриспруденции. И здесь в последние годы наблюдается заметное приращение: *пидор*, *пед-ро гомес*, *педик*, *голубой*, *гей*, *гей-клуб*, *гей-бар*, *гей-фестиваль*, *гей-форум*, *гей-парад*. СМИ этому способствуют, смакуя извращения: “Дима Билан: быть или не быть...геем”; “Подольская донашивает за Пресняковым юбки”, – ряд можно продолжать бесконечно. А в семантике происходит все то же – выхолащивание отрицательной оценки слов этого ряда от начала к концу, причем до такой степени, что все справа, начиная с *голубого*, уже претендуют на гордое наименование содомского греха, в противовес “совковой” инвективе.

Язык не виноват: он только фиксирует происходящее в обществе и в сознании.

С сексом, порнухой и содомитами все ясно. А что же происходило в эти годы с *любовью*? Опустошение семантики, сведение к сексу. Между понятиями *любовь* и *секс* поставлен знак равенства: “Для настоящей любви не существует преград. Просто ей иногда надо помочь. Импаза. Препарат для восстановления потенции. Импаза. Время любить” (Реклама).

В то время как словообразовательные гнезда с корнями *секс-* и *порн-* ветвились и размножились, корень *люб-*, судя по всему, не породил ни одного приличного слова, да вообще ни одного. В упомянутом словаре языковых изменений статья “Любовь” есть. Но какая! Без определений, без комментариев. Всего из двух примеров: *заниматься любовью* и *инвалютная любовь*. Если не ошибаюсь, лет за двадцать до издания этого словаря (вышел в 2000 г.) последнее еще называлось *проституцией*. От себя в этот ряд добавлю еще одно “завоевание” семантики – крайне распространенное в наше время сочетание *лесбийская любовь*. Обратите внимание: *любовь*, скажем так, традиционную опустили до *секса*, а вот нетрадиционное то, что раньше интересовало психиатров, стало *любовью*.

Нас не просто удушили сексом и порно – нам навязывают этот убогий стандарт, выхолащивая человеческое, духовное из языка, в данном

случае из понятия *любовь*. Не зря все в том же словаре Г.Н. Складневской, очень тонкого, чуткого исследователя, зафиксировано относительно новое значение глагола *трахать* как разговорный эквивалент медицинских терминов и матерной лексики, а само слово в этом новом значении не просто породило массу приставочных глаголов (*утрахать*, *натрахаться* и т.п.), но и новое переносное значение. Что вы говорите в сердцах, когда вас чем-нибудь замучили? Правильно – “*Затрахали!*”

Массовые СМИ с весьма внушительным тиражом сейчас делятся откровениями типа *как я занималась СЕКСОМ по мобильнику* (ключевое слово выделено и шрифтом и цветом). Публикуя этот текст, журналисты говорят родителям, что обязательное предупреждение об оказании подобных услуг только совершеннолетним – фикция. Цель благородная, только идут к ней журналисты странным путем – муссируя клубничку на целую полосу, которая называется *Мужчина и женщина*.

Но это уже не те мужчина и женщина – воплощение силы, отваги, чести, милосердия, доброты, представление о которых веками складывалось в русском национальном сознании и выражено, например, В. Солюхиным в стихотворении “Мужчины”: *мужчина* – защитник Отечества, борец за правду, подлеца ведет к барьеру, отвага и честь – его неперменные качества, а *женщина* – “и мать, и сестра, и жена. Уложит она, и разбудит, и даст на дорогу вина. Проводит и мужа и сына, обнимет на самом краю...”. Правда, у женщины всегда была еще одна ипостась – олицетворение женственности, никогда не переходящей в пошлость. Помните, секретарша Верочка в “Служебном романе” преподает урок директрисе Людмиле Прокофьевне, ласково прозванной подчиненными “наша мырма”? “Что отличает деловую женщину от женщины?” – спрашивает Верочка. И отвечает сама себе, что деловая женщина “вся съезжится, скукожится, как старый рваный башмак, и вот чешет на работу, как будто сваи вколачивает”, а женщина идет легко, свободно, походкой от бедра и мужчина обязательно обратит на нее внимание. Не сможет не обратить... А когда Людмила Прокофьевна неумело и поэтому утрированно пытается воспроизвести эту самую походку от бедра, Верочка замечает, что начальница ведет себя, как “неприличная женщина”. Иначе говоря, чувство меры женщине-соблазнительнице не должно изменять. Но это – историческая память в слове, а что сейчас?

Если составить определение того и другой по существенным признакам, на которые нам регулярно указывают СМИ, то *мужчина* (в первую очередь по версии рекламы) превратился в самца, который на чем-то ездит, чем-то бреется, что-то пьет (в основном пиво на троих: появилось даже *пиво с мужским характером*), что-то на себя брызгает, часа не проживет, чтобы морду кому-нибудь не набить, главное его достоинство – потенция, к которой теперь приравнена мужская сила, – в

общем, этакий Джеймс Бонд российско-демократического разлива. А если у него возникают проблемы, то это простатит, импотенция или облысение: “Простамол. Просто будь мужчиной. Old Spice. Для сильных духом мужчин” (что за дух имеется в виду?), “Мужчины возвращаются. Новый Пежо” и т.д.

Женщина стала ненасытной самкой, которая в перерывах между сексом думает исключительно о колготках, губной помаде, прокладках, туши для ресниц, чтобы до звезд доставали (как по-вашему, такие реснички в автобусе мешать не будут? Не говоря уж о собственном железном коне), тампонах, а от мужчины ей ничего не надо, кроме мужской силы. И ведет она себя, по Верочкиной терминологии, “как неприличная женщина”.

Смысловое поле “секс, его атрибутика, биологические последствия” – источник метафорического осмысления практически неограниченного числа тем, недаром в лингвистике появился термин “сексплуатация”: “секс для ослов” (о кинокомедии, в которой секса как такового нет); «Сказал “Спектра” и остановился – мне захотелось ее во Владивостоке поцеловать! В лобик – в капот. Или в самое чувствительное место, в самую ее эрогенную зону – в кнопку сигнала»; “Партия безответной любви” (об ограничении привилегий членов партии “Единая Россия”); “У тебя большой” (конкурс в КВН); “У твоего соседа уже стоит” (об антенне НТВ+); “Размер имеет значение” (об огородной рассаде), “Топ-модели доступны” (о мобильных телефонах); “Случайные обратные связи” (о посещении газеты Роспотребнадзором), “Случайные мобильные связи” (о выдаче ордера на арест одного из совладельцев “Мегафона”); “Роман с книгой” (о книжной ярмарке); “В Самаре Георгия Лиманского клеят на каждом углу” (о предвыборных плакатах); “Президент ласкал его (рубль) в своем послании”; “Социальная задержка” (о детях с задержкой психического развития).

Такой ракурс языкового осмысления настолько обыден, что меняет семантическую структуру слова: значения, зафиксированные словарями как периферийные или не регистрируемые ими вообще как нелитературные, начинают осознаваться как ядерные, основные. И таких слов из этого ряда немало: *хотеть, мочь, трахать, стоять, возбуждаться, задержка, связь, голубой, размер* и т.п. А это свидетельство влияния манеры общения на языковую семантику, т.е. уровень, когда проблемы коммуникации становятся языковыми.

Вот так “обогатился” русский язык последних десятилетий. Можно это назвать красивым словом “демократизация”, а если без обиняков, то это свидетельство нашего одичания и духовной деградации.